

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ФЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ФЫЛЫМ КОМИТЕТИ
Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

ЕУРАЗИЯНЫҢ МӘДЕНИ МҰРАСЫ
(ежелгі дәуірден бүгінгі күнге дейін)

Фылыми мақалалар жинағы

АЛМАТЫ
2016

УДК ???

ББК ???

Жинақ ҚР БFM Ғылым комитетінің
«Халық тарих толқыннында» бағдарламасы аясында басылды

Баспаға ҚР БFM FK Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
Ғылыми кеңесі ұсынған

Жауапты редактор:

ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі, тарих ғылымдарының докторы
Б.Ә. Байтанаев

Редакциялық алқа:

ҚР ҰҒА академигі, т.ғ.д. К.М. Байпақов, т.ғ.к. Г.С. Жұмабекова,
т.ғ.к. Ф.А. Базарбаева, т.ғ.к. Е.Ә. Смағұлов, т.ғ.к. Ж.Қ. Мықтыйбаева,
PhD докторы Е.Ш. Ақымбек, Ә.Ж.Мерекеева

Пікір жазғандар:

тарих ғылымдарының докторы, профессор Р.Х. Сүлейманов,
тарих ғылымдарының кандидаты Ә.М. Манапова

ЕУРАЗИЯНЫҢ МӘДЕНИ МҰРАСЫ (ежелгі дәуірден бүгінгі күнге дейін) –
Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2016. – 736 б., ил.

ISBN ???

Басылымда Еуразияның мәдени мұрасының өзекті мәселелері қарастырылады. Жинақта археологиялық деректер мен пәнаралық зерттеулерге, оның ішінде нумизматикаға көп көңіл бөлінеді. Бұған далалық жаңа материалдар мен зерттеулер де, аналитикалық шолу мақалалары да енген. Басылымның уақыттық шеңбері авторлардың Күшан патшалығынан бастап XIX ғасырға дейінгі жұмыстарын қамтиды.

Жинақ археологтарға, нумизматтарға, тарихшыларға, ЖОО-ның оқытушылары мен студенттеріне және Еуразия халықтарының мәдени мұрасына қызығушылардың барлығына арналады.

ISBN ???

© Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2016
© Мақала авторлары, 2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛНА

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ
(с древности до наших дней)

Сборник научных статей

АЛМАТЫ
2016

УДК ???

ББК ???

*Сборник печатается в рамках программы
Комитета науки МОН РК «Народ в потоке истории»*

*Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А. Х. Маргулана
КН МОН РК*

Ответственный редактор:
член-корреспондент НАН РК, доктор исторических наук
Б. А. Байтанаев

Редакционная коллегия:
академик НАН РК, д.и.н. К. М. Байпаков, к.и.н. Г. С. Джумабекова,
к.и.н. Г. А. Базарбаева, к.и.н. Е. А. Смагулов, к.и.н. Ж. К. Мыктыбаева,
доктор PhD Е. Акымбек, А. Ж. Мерекеева

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор Р.Х. Сулейманов,
кандидат исторических наук А.М. Манапова

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ (с древности до наших дней). – Алматы:
Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. – 736 с., ил

ISBN ???

В данном издании рассматриваются актуальные вопросы культурного наследия Евразии. В сборнике значительное внимание уделено археологическим источникам и междисциплинарным исследованиям, в частности нумизматике. В него вошли как новые полевые материалы и исследования, так и аналитические обзорные статьи. Временные рамки издания охватывают работы авторов, начиная с Кушанского царства до XIX века.

Сборник статей адресован археологам, нумизматам, историкам, преподавателям и студентам вузов, всем, кто интересуется культурным наследием народов Евразии.

ISBN ???

© Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016
© Авторы статей, 2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
COMMITTEE OF SCIENCE
A.KH. MARGULAN INSTITUTE OF ARCHEOLOGY

**CULTURAL HERITAGE OF EURASIA
(from the ancientry to our time)**

Collection of scientific papers

ALMATY
2016

UDC ???
BBC ???

*The collection is published within the framework of “**People in the flow of history**” program of the Committee of science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan*

Recommended for publication by the Academic Council of A.Kh. Margulan Institute of Archeology of the Committee of science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Responsible editor:

Baitanayev B.A.,

Corresponding member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan,
Doctor of Historical Sciences

Editorial board:

Baipakov K.M., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, Dzhumabekova G.S., Candidate of Historical Sciences, Bazarbayeva G.A., Candidate of Historical Sciences, Ye.A. Smagulov, Candidate of Historical Sciences, Myktybayeva Zh.K., Candidate of Historical Sciences, Ye. Akymbek, PhD, A.Zh. Merekeyeva

Reviewers:

R.Kh. Suleimanov, Doctor of Historical Sciences, Professor,
A.M. Manapova, Candidate of Historical Sciences

CULTURAL HERITAGE OF EURASIA (from the anciensty to our time). – Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology, 2016. – 736 p., ill.

ISBN ???

This publication considers topical questions of the cultural heritage of Eurasia. The collection pays considerable attention to the archeological sources and interdisciplinary investigations, particularly to numismatics. It includes both new field data and investigations, and analytical review papers. The time frames of the publication cover papers of authors beginning from Kushan Empire to the XIX century.

The collection of papers is destined to archeologists, numismatists, historians, teachers and students of HEIs, to people interested in the cultural heritage of Eurasian nations.

ISBN ???

© A.Kh. Margulan Institute of Archeology, 2016
© Authors of papers, 2016

С.Ш. Акылбек, Е.А. Смагулов, С.А. Яценко

ДЕКОРАТИВНОЕ УБРАНСТВО РЕЗИДЕНЦИИ ТЮРКСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ VIII в. В ЦИТАДЕЛИ г. КУЛАН

В статье публикуются материалы начального этапа исследования материалов, полученных в сезоне 2015 г. при исследовании городища Кулан. Топосъемка городища Кулан позволяет в определенной мере дополнить представления о его исторической топографии. Рассматриваются уникальные материалы, полученные при расчистке двух дворцовых помещений на цитадели городища Кулан. По стратиграфическим данным, вскрытая планировка относится к основному строительному горизонту (СГ1) и может быть датирована VIII в. Помещение №1 декорировано двумя противопоставленными декоративными арочными порталами и панелями из резной глины вдоль всех стен. Уникальная сохранность позволяет реконструировать орнаментальную композицию этого помещения.

Хорошая сохранность стен основного СГ позволяет реконструировать перекрытия двух рассматриваемых помещений как деревянные шатровое и двускатное. В соседнем помещении №2 под шатровым перекрытием противоположная входу суфа акцентирована двуступенчатой лесенкой, по которой на нее поднимались. Стены помещения поверх тщательной штукатурки были украшены сюжетными полихромными росписями и граффити. Несмотря на то, что красочный слой росписи оказался почти уничтожен неблагоприятными условиями залегания (сильная засоленность почв, переувлажненность), удается реконструировать некоторых персонажей граффити, детали их костюма и сформулировать предварительные выводы и рекомендации.

Ключевые слова: раннесредневековый город, Юго-Западное Жетысу, Кулан, дворец, интерьеры, резная глина, розетки, декоративные порталы, стенные росписи, граффити.

Городище Кулан (прежние названия – Тарты, Луговое) – одно из наиболее известных и археологически изученных памятников в Юго-Западном Жетысу. Здесь локализуется средневековый город Кулан, неоднократно отмеченный на страницах средневековых арабо-персидских дорожников и исторических сочинений. Городище расположено в Рыскуловском районе Жамбылской области на северо-восточной окраине современного села Кулан на берегу реки Каракат (приток р. Шу) (Свод истории ..., 2002, с. 283). Локализацию на этом городище средневекового города Кулан в свое время высказал, вслед за В. Томашеком, В. В. Бартольд (Бартольд В. В., 1966, с. 49). В последующем никем из исследователей это отождествление не оспаривалось.

Собственно, археологические исследования на городище были начаты Семиреченской археологической экспедицией (САЭ, руководитель К. А. Акишев) в 1960-х годах. Одним из отрядов была исследована шурфами цитадель и раскопано несколько усадеб на территории ближайших окрестностей городища (Байпаков К. М., 1966, с. 68-84). Но по ряду причин эти работы ни тогда, ни в последнее время не стали систематическими, хотя памятник и номинирован в «Список памятников мирового культурного наследия» ЮНЕСКО.

Задача археологического изучения цитадели городища Кулан была сформулирована в рамках Проекта 0005/ПЦФ-00-МКС/0-15-ОТ «Городище Кулан» МОН РК (исполнитель ТОО «Казахский научно-исследовательский институт культуры» МКС РК, директор А. Р. Хазбулатов), рассчитанного на три года исследований, 2015-2017 гг. С этой целью в августе 2015 г. на северо-западной стороне цитадели был разбит раскоп первоначальной площадью 15×20 м. (Позже он был расширен на 2 м в ЮВ и СЗ направлениях). Предполагалось, что раскоп охватит участок внешней крепостной стены цитадели и участок ее внутренней застройки, что в совокупности даст достаточно репрезентативный материал для суждений о стратиграфии (хронологии) застройки и характере образующих цитадель архитектурных сооружений. Эти раскопочные работы были проведены наряду с топографической съемкой всего городища внутри «длинных стен» («белед»), а также раскопками на шахристане (раскоп № 2). Данная публикация посвящена начальному этапу изучения итогов, полученных при раскопках на цитадели, где начато вскрытие великолепной сохранности дворца местного тюргешского правителя (?) с уникальным декором помещений.

Вопросы топографии

Топография городища Кулан до сих пор анализируется в терминах «теории трехчастной структуры средневековых городов». В ее рамках исследователи стремятся определить в топографии средневековых городищ обязательные объекты «триады Бартольда-Якубовского» – «цитадель», «шахристан» и «рабад» (Байпаков К.М., 2002, с. 283; Нуржанов А.А., 2010, с. 141-153). Как известно, В. В. Бартольд дополнил В. А. Жуковского в его первом в русскоязычной ориенталистике и археологии описании топографии Мерва. При этом он, трактуя «имеющие значение для нас» термины описания структуры средневековых городов, которыми пользовались арабоязычные авторы IX-XI вв., говорит не о трех терминах и, соответственно, трех частях города/городища, а, по крайней мере, о пяти – *медиа (шахристан), кухендиз (цитадель), рабад (пригород), белед (предместье), рустак* (Бартольд В. В., 1966в, с. 173-174). Сам А. Ю. Якубовский предпочитал говорить о четырех терминах (опуская *rustak*, из «списка Бартольда»), описывающих отдельные структурные части и город в целом (История народов ..., 1950, с. 204). Отметим, что историко-топографическая теория А. Ю. Якубовского была взята на вооружение среднеазиатской археологией, но из-за излишней социологизированности ей было отказано в универсальности. М. Е. Массон обратил внимание на то, что эта теория развития средневекового города неприложима к истории ни одного крупного среднеазиатского города (Массон М. Е., 1950, с. 166). Обоснованные сомнения в применимости «трехчастной терминологии» к топографии городищ Семиречья/Жетысу высказывал также и П. Н. Кожемяко (Кожемяко П.Н., 1959, с. 174-177).

Тем не менее, «концепция Бартольда-Якубовского» до сих пор не исчерпала своего методического потенциала, если признать, что задача теории – не следование отдельным эмпирическим фактам, а в объяснении явлений. Ее суть не столько в фиксации какого-то количества структурных частей средневековых городищ и толковании значения обозначающих их терминов, хотя и это важно, а в признании топографии средневекового городища как отражения реалий исторического развития средневекового среднеазиатского города. Однако ее использование обычно ограничивается формальным описанием топографии того или иного памятника. По нашему мнению, О. Г. Большаков вполне прав, отмечая, что «самым слабым местом в его (А. Ю. Якубовского – С.Е.) построениях является не триада кухендиз-шахристан-рабад, вокруг которой ведутся все споры, а недостаточная изученность социально-экономиче-

ского строя города X-XI вв.» (Беленицкий А.М. и др., 1973, с. 136). В отношении средневековых городов юга Казахстана и Семиречья приходится с сожалением констатировать, что здесь мы еще не поднялись до уровня однозначного описания и интерпретации топографии городищ. Примером тому может быть городище Кулан, которое изучалось несколькими экспедициями, но до сих пор, на наш взгляд, нет однозначного описания его исторической топографии.

Центральная часть городища («шахристан») представляет собой бугор подквадратной формы, ориентированный углами по сторонам света (рис. 1). Размеры шахристана по гребню склонов сторон – 216×220 м. Средняя высота – 11,5 м, отметка наивысшей точки шахристана – 12,5 м. Цитадель вписана в его северный угол, ее размеры 47×43 м. По центру верхней площадки ее имеется впадина диаметром около 25 м, глубиной 2,5 м. Высота над окружающей местностью – 13 м. [Размеры шахристана Кулана, приводимые в «Своде памятников» 2002 г., на треть больше – 300×320 м. Видимо, эта разница из-за обмеров по основанию склонов городища (?) (Свод истории ..., 2002, с. 285)].

В шахристан ведут четыре въезда, расположенные друг против друга в середине крепостных стен. ЮВ въезд в центре стены шахристана в виде ложбины шириной 20 м, глубиной 1,5 м. Он фланкирован двумя башнями, следы от которых хорошо прослеживаются. Перед въездом возвышенная площадка треугольной формы размерами 65×50 м, высотой 4 м. ЮЗ въезд также расположен в центре соответствующей стороны. Поверхность ее имеет двухметровое понижение. С южной стороны выделяются остатки башни в виде округлого бугра. Перед въездом «читается» приподнятая площадка полукруглой в плане формы радиусом 45 м, высотой около 5 м. Вероятно, это остатки фортификационных сооружений входной группы.

СВ въезд прослеживается в виде ложбины шириной 20 м, глубиной около 1 м; он фланкирован с двух сторон башнями. В 20 м к востоку от линии ворот на месте выносных башен прослеживаются слабо выраженные бугры. Руины предвратных фортификационных сооружений образуют мощную подпрямоугольную площадку размерами 85×45 м, вытянутую в длину по линии ЮЗ-СВ, средняя высота которой 4 м.

Самый развитый и укрепленный фортификационными сооружениями из всех четырех ворот шахристана – СЗ въезд. Расположен он, как и остальные, по центру соответствующей стены. На месте проезда образовалась ложбина шириной 30 м, глубиной 1,2 м. Ворота были фланкированы двумя башнями. В 40 м к СЗ от ворот прослеживается второй ряд

Рис. 1. Топоплан центральных развалин городища Кулан

башен. Руины входного комплекса образуют площадку с пологими склонами размером 80×60 м, высотой 8 м.

Прямые магистральные улицы соединяют противоположные ворота. На месте улиц образовались ложбины шириной 25-30 м, глубиной до 1 м, ложе которых заросло густой травой. На пересечении улиц с северной стороны читается впадина на месте центральной городской площади.

Как видим, в этой части – шахристан с цитаделью – городище Кулан вполне типичное городище «типа торткуль» – «квадрат/прямоугольник с въездами в середине всех четырех сторон». Магистральные улицы, напрямую соединяющие противолежащие ворота, в месте пересечения образуют центральную площадь. Такая изначальная планировка характерна для поселенческих структур Евразии от лагерей римских легионов до древнекитайских городов-резиденций. Она просматривается в доисламской планировке шахристанов таких крупных среднеазиатских городов, как Мерв и Бухара. Немало примеров ее можно предположить в топографии центрального городского ядра, перекрытого поздними наслойениями. Таковы, вероятно, средневековые казахстанские городища, как Сайрам, Отрап, Тараз..., а в топографии Нуджикета, Аспары, Костобе, Орнекай т.п., на которых жизнедеятельность прекратилась в XII-XIV вв., эта планировка проступает со всей очевидностью (Свод истории ..., 2002, с. 101, 221, 307).

В отношении третьей части – рабада, обычно характеризующей топографию средневекового города, в описаниях городища Кулан у исследователей существуют явные «разнотечения». По давно обоснованному мнению, в топографии городищ ЮЗ Семиречья более-менее четко выделяется территория центральной части, собственно «городище». Это, в «терминах трехчастной структуры среднеазиатских городищ» территория «шахристана с цитаделью». По мнению К. М. Байпакова, рабады здесь, собственно, четко не выделяются, они сливаются с сельской окружной и «границу между двумя частями застройки провести практически невозможно» (Байпаков К.М., 1986, с. 69-70). Но в отношении топографии городища Кулан в другом месте им говорится о «неукрепленном рабаде с восточной стороны» (Свод истории ..., 2002, с. 283). К сожалению, о какой топографической реалии здесь идет речь, не поясняется. В то время как последователь К. М. Байпакова в изучении городища Кулан А. Нуржанов описывает весьма четко фиксируемую топографическую структуру, охватывающую шахристан со всех сторон: «Вокруг шахристана сохранились остатки массивного земляного вала, высотой от 2,5 до 5,0 м и шириной у основания от 10 до 15 м. Вал этот проходит на рассто-

янии от 60 до 130 м от основания шахристана в форме неправильного пятиугольника размерами с севера на юг – около 600 метров и с запада на восток – около 500 метров. Общая длина этого вала около 1900 м. Снаружи вала, у его основания, сохранились остатки рва глубиной в настоящее время в 1,6-1,8 м и шириной в 7-10 м. За рвом местность была частично заболочена» (Нуржанов А.А., 2010, с. 143). Правда, эту хорошо укрепленную крепостной стеной со рвом территорию, и кольцом охватывающую торткуль/шахристан, А. Нуржанов, видимо, относит к шахристану Кулана (?), поскольку в заключение он приходит к выводу, что у городища Кулан рабада не было, как и у Мерки, и у Аспары (Нуржанов А. А., 2010, с. 153).

Тем не менее, до сих пор эта достаточно топографически четко выраженная часть городища Кулан однозначно фиксируется и может быть истолкована как рабад, т.е. новая, по сравнению с цитаделью и шахристаном, часть города, кольцом охватывающая шахристан (рис. 1). Очевидно, что это кольцо застройки возникает позже центрального шахристана/торткуля с цитаделью... Но все эти важные вопросы исторической топографии города, начиная с «даты» начала ее застройки, можно будет аргументированно освещать только после цикла систематических раскопок на разных структурных частях городища.

Таким образом, мы видим, что применительно к городищу Кулан К.М. Байпаков говорит о наличии здесь рабада, но нигде не дает его четкого описания, а А. Нуржанов дает вполне адекватное описание этой топографической реалии, но... не признает ее рабадом. Мы же предлагаем считать, что городище Кулан имеет не только *рабад*, достаточно детально описанный А. Нуржановым, но и *белед*, внутри «длинных стен» (рис. 2), а также *рустак*, если признавать за таковой мелкие поселения X-XII вв. в окрестностях городища Кулан.

Итак, за рабад городища Кулан предварительно (до масштабных раскопок) можно принять часть городища за пределами торткуля и до ближнего кольца стен. Эта часть явно образовалась позже застройки шахристана/торткуля, но как часть города она имеет свою линию фортификации, поскольку по ее периметру хорошо прослеживается развал крепостной стены в виде вала высотой около 2 м и шириной 20-25 м. Эта стена прослеживается на расстоянии 100-150 м от стен центрального прямоугольника («шахристана»). А ее длина оценивается в 1900-2000 м. Снаружи вокруг проходил крепостной ров глубиной сейчас до 2 м и шириной местами до 10 м. На территории рабада фиксируются холмы различной конфигурации высотой до 5 м.

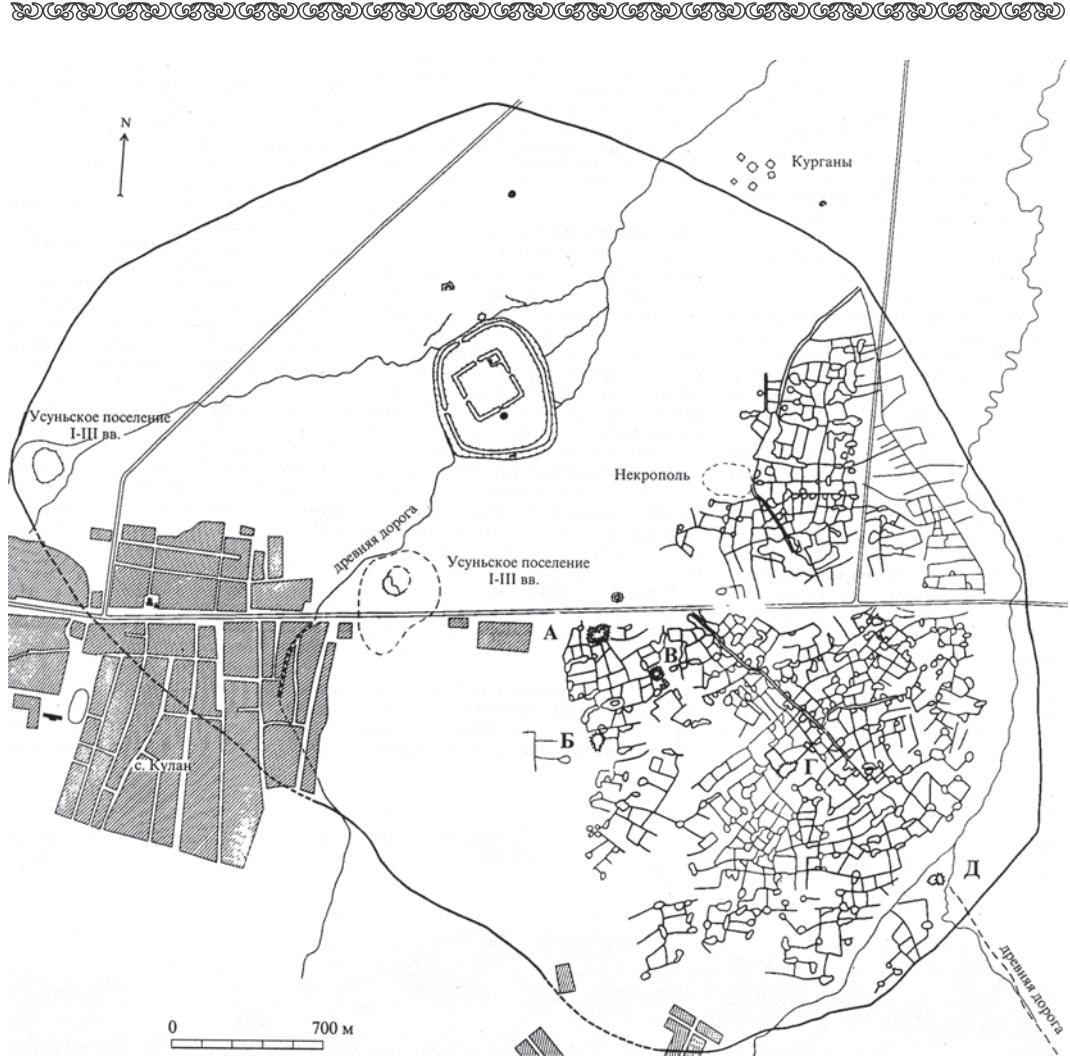

Рис. 2. Топоплан городища Кулан внутри «длинных стен»-белед [по:1]

Более того, применительно к Кулану можно считать, что вся вышеописанная топографическая структура «цитадель – шахристан – рабад» является частью более обширной планировки, охватываемой т.н. «длинной стеной». Ее многокилометровый вал окружает пригородную территорию («сельская округа», пригород), которую можно интерпретировать как внешнюю крепостную стену «беледа»/«балада» – города вместе с его пригородом/предместьем. Площадь этой территории, по оценке А. Нуржанова и нашим обмерам, составляет около 15 кв. км и выглядит в плане в виде неправильного овала с осями $4,7 \times 4,4$ км (Нуржанов А.А., 2010, с. 143). Следы ее застройки более-менее сохранились лишь на

отдельных участках. Примерно посередине ее северной половины и расположена трехчастная городская структура городища Кулан (рис. 2). А ее юго-восточная часть имеет следы разреженной застройки скоплениями отдельных усадьб. Их количество предположительно определяется «около 300», наиболее крупные из них раскопаны (Байпаков К.М., Шарденова З.Ш. и др., 2001, с. 41-42). Интересные материалы дала т.н. «усадьба Г», в интерьерах которой изобильно использовались панели резного штuka с разнообразной орнаментикой. В орнаментальной композиции одной из стен проходного коридорообразного помещения исследователи даже увидели библейский сюжет с участием Адама и Евы у дерева познания(?!). Описания неоднократно публиковались (Байпаков К.М., 1986, с. 121-135; Байпаков К.М., Шарденова З.Ш. и др., 2001, с. 109-115; Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2004, с. 31).

Пятым термином средневековой географической литературы, описывающей поселенческие структуры Средней Азии, является **«рустак»**. Он, очевидно, объемлет города/баллады и поселения общей исторической судьбы и расположенные в некоем ограниченном природно-географическом микрорегионе с общими естественно-природными характеристиками и имеющими один традиционный центр. Рустак может включать несколько разномасштабных городов/шахристанов/баладов, находящихся в более тесной связи друг с другом хотя бы по причине географического положения. Город Кулан в какие-то исторические периоды мог быть центром такого рустака, расположенного на притоках среднего течения р. Шу. В X-XII вв. в него могли входить многочисленные небольшие поселения, городища которых в виде тортулей расположены ныне в районе современных сел Енбекши, Каракыстак, Жалпаксаз, Кызылшаруа, Курагаты (Свод истории ..., 2002, с. 289-305). По всей видимости, соседними рустаками являлись рустак Мерке к востоку от Кулана, а к западу рустак Жульшуб.

Таким образом, реальная топография археологических памятников в окрестностях городища Кулан является собой все значимые структурные части, которые сочли необходимым отмечать средневековые арабо-персидские географы, о которых писал В.В. Барольд.

Сам же город претерпел все основные этапы развития семиреченского города, возникшего как ставка местного феодального правителя – тортуль с цитаделью и расположенными в округе замками и дворцами (VI-VIII вв.), в последующем переросший в небольшой средневековый город – шахристан с рабадом и местами плотно освоенной пригородной территорией (балад) (IX-XII вв.).

Археологические раскопки. Стратиграфия

Наиболее полно данные по стратиграфии разных объектов городища Кулан, накопленные за полвека его исследований, приведены в статье «Свода памятников» 2002 г. (Свод истории ..., 2002, с. 283-289). На цитадели стратиграфический шурф площадью 30 кв. м. выявил три последовательных строительных горизонта (СГ). Нижний толщиной около 2 м, датирован VII-VIII вв. «Средний» СГ имеет толщину до 1,5 м и датирован IX-X вв. И самый верхний, последний, мощностью, видимо, около 1 м характеризуется руинами стен из жженого кирпича и фрагментами поливной керамики XI-XII вв.

Стратиграфический разрез был осуществлен также и на южной стене шахристана. Он показал, что общая толщина культурного слоя здесь составляет 5,3 м, ниже начинался стилобат из крупных пахсовых блоков. На нем была возведена пахсовая стена из крупных блоков с прослойками сырца $50 \times 25 \times 10$ см. В стене прослежено два строительных периода. В структуре прилегающего культурного слоя, в отличие от структуры культурного слоя цитадели, прослежены два слоя. Основанием «второго» послужили нивелированные и утрамбованные строительные остатки со следами пожара. Конструкции второго СГ сохранились на высоту до 3 м.

В «Своде» также приводятся краткие описания итогов раскопок трех «усадеб» на территории «беледа»: «А» – «замок»; «Б» – «винодельня»; «Г» – «дворец». Стратиграфические данные не приводятся и не обсуждаются, хронология построек дается широкая: VIII-XII вв., VII-X вв. Скорее, это обозначение периода времени, в который могла существовать та или иная постройка.

Акцент в археологическом изучении Кулана на раскопки «усадеб», памятников «пригородной застройки», вероятно, был сделан потому, что стратиграфический шурф на цитадели не давал надежд, сулящих быстрые и яркие находки. Тем не менее, цитадель – обычно это то ядро, вокруг которого изначально складывался город. В последующем это место размещения наиболее престижных и функционально четко обозначенных сооружений. В Средней Азии именно изучение цитаделей древних и средневековых городищ дает наиболее выразительный археологический материал. Здесь чаще всего обнаруживаются наиболее репрезентативные материалы по истории фортификации, архитектуры, искусства и ответы на многие вопросы истории возникновения и развития города.

Стратиграфические данные по древнему ядру городища Кулан показали, что строительные конструкции нижних СГ имеют уникальную сохранность в высоту 2-3 м сырцово-пахсовых стен. Это явилось главным

аргументом начать стационарные раскопки именно на цитадели. При регулярном финансировании проекта возникла возможность за 3-4 сезона вскрыть и основательно изучить расположеноное здесь дворцовое сооружение и создать на его основе, после своевременных реставрационно-консервационных работ, великолепный объект туристического кластера на трассе Великого Шелкового пути.

Некоторые итоги работ 2015 г.

Стратиграфия вскрытой части цитадели (раскоп №1) выглядит следующим образом. Верхний (или первый) ярус (я1) представлен рыхлым дерновым слоем, лежащем на плотном слое оплывов разрушенного строения. Горизонтальная зачистка поверхности выявила контуры девяти могильных ям, в которых расчищено пять детских и четыре взрослых захоронений. Скелеты ориентированы головой с небольшим отклонением на север и северо-запад. Лицевой частью обращены на юго-запад, т. е. в сторону киблы. Это обстоятельство, а также полное отсутствие погребального инвентаря указывает на «мусульманский» обряд захоронений. Как это обычно бывает, после запустения города и его постепенного превращения в холм/тобе, он стал использоваться под кладбище. Могильные ямы частично прорезали слой забутовки конструкций верхнего строительного горизонта (СГ1). В предварительной публикации они описаны как СГ3 (Хазбулатов А.Р., Акылбек С.Ш. и др., 2016, с. 218-223). Все костные материалы из расчищенных погребений были изъяты и перезахоронены в специальном укромном месте.

Стены монументального строения СГ1 проявились уже при углублении на 0,6 м. В пределах раскопа выявлены полностью планы трех помещений, ориентированные углами по сторонам света. Два помещения лишь намечены. Внешняя северо-западная крепостная стена, являвшаяся и внешней стеной монументального строения цитадели, на уровне 1-2 ярусов полностью оплыла, и, вероятно, позже удастся зафиксировать ее нижние уровни.

Строительные конструкции этого верхнего/последнего строительного горизонта (ВСГ, СГ1) прослеживаются в раскопе в виде невыразительных фрагментов стен, участков обмазанных полов с устьями ям-бадрабов. Но, тем не менее, вполне можно предположить, что в самый последний период обживания цитадели здесь на руинах нижележащего основного строительного горизонта (СГ2, ОСГ) были сооружены некие здания. Их остатки за многовековой период по большей части смыты и выветрены с поверхности платформы, в которую были превращены

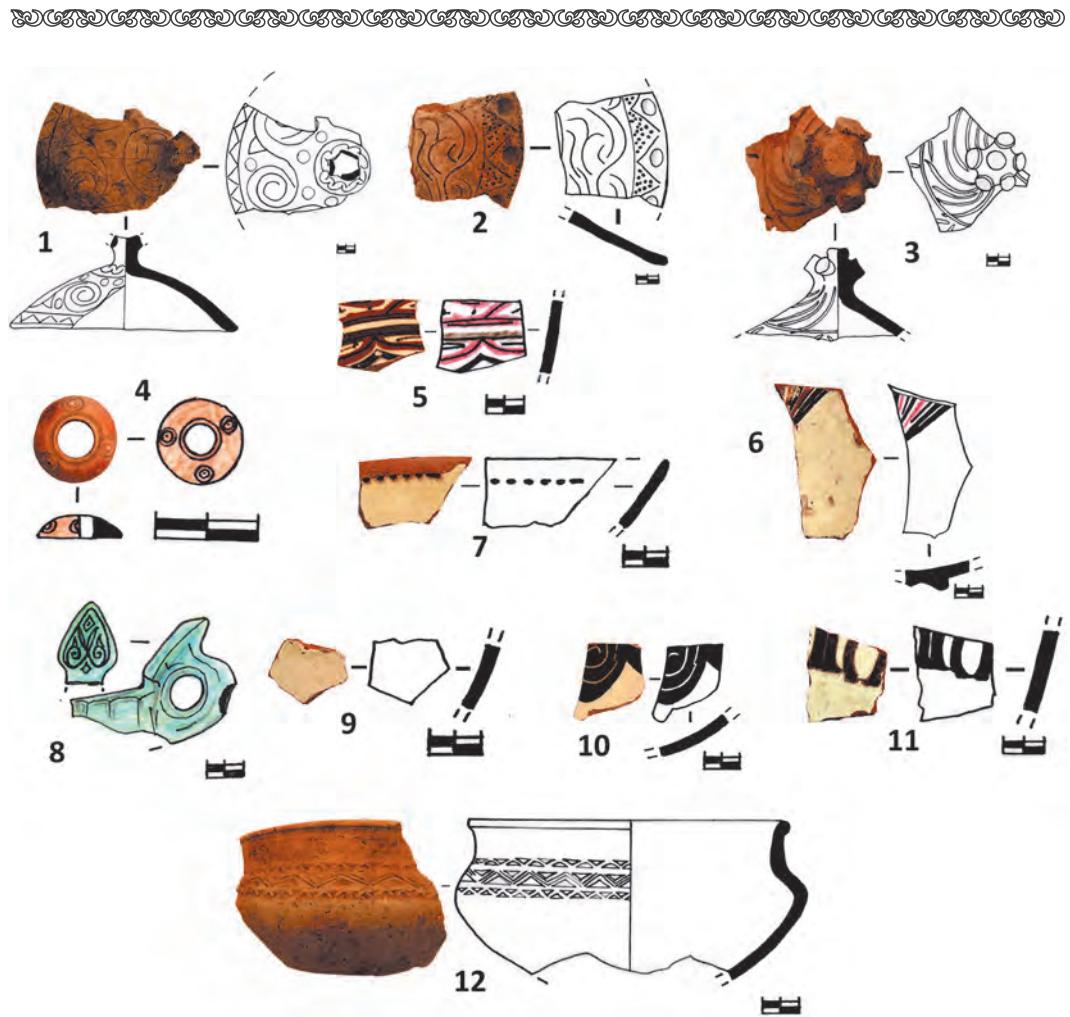

Рис. 3. Часть комплекса керамики из бадраба СГ1

руины первоначальных построек цитадели. Но от этого строительного горизонта сохранились лишь заполнения мусорных ям/бадрабов, материал из которых позволяет датировать этот верхний горизонт X-XI вв. (рис. 3).

Тщательная зачистка поверхности раскопа по уровню верха второго яруса (я2) выявила контуры стен СГ2 и сплошную забутовку/закладку его помещений. Кирпичи, заполнившие верхнюю часть полостей помещений основного СГ2, прямоугольной формы, размерами $48-47 \times 20 \times 10$ см, вместе с ними встречаются и кирпичи размерами $53 \times 23 \times 11$ см. То есть, для заполнения использовались как новые кирпичи, так и кирпичи старого сооружения. Таким образом, руины древней цитадели (ОСГ, СГ2)

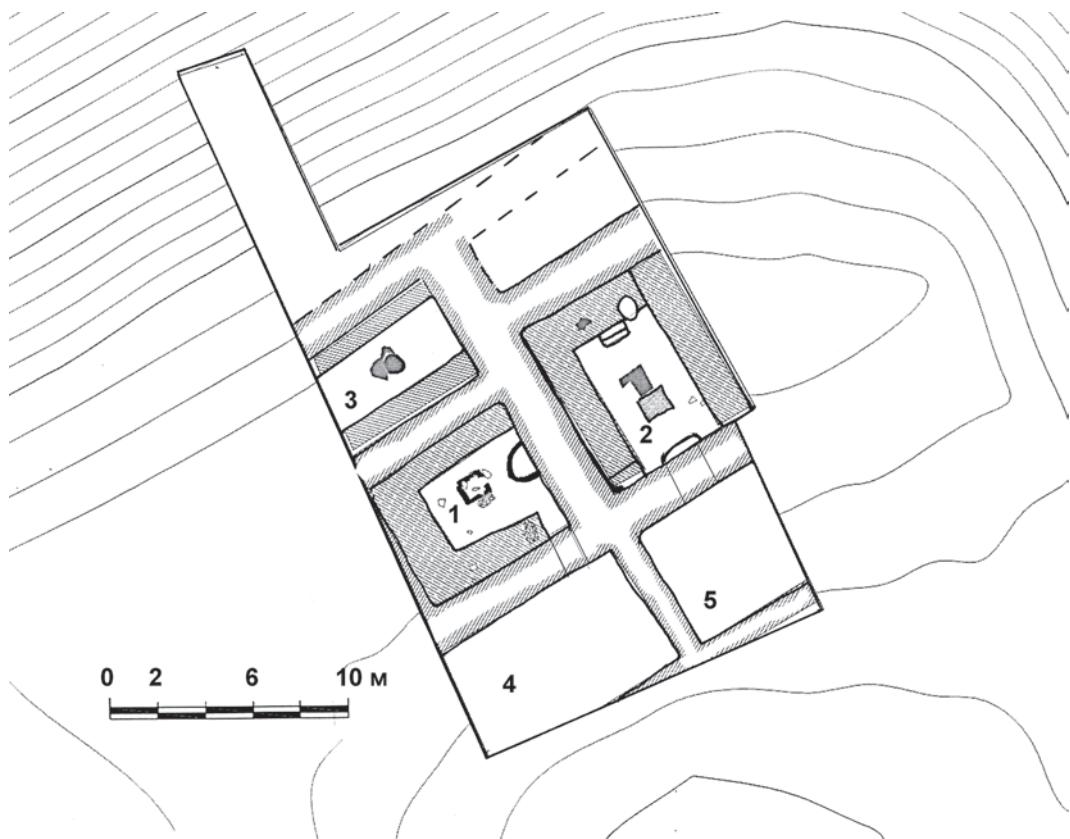

Рис. 4. План раскопа 2015 г. на цитадели городища Кулан

были превращены в платформу для построек последнего («караханидского») строительного горизонта (СГ1).

После зачистки на поверхности этой платформы «проявились» контуры капитальных стен. Выявленные конструкции оказались относящимися к монументальным сооружениям, судя по всему, занимавшим всю площадь цитадели (40×40 м). Их развалины, как это несложно предположить, сформировали основу топографии цитадели, вероятно, в виде «каре» разнообразных помещений по периметру обширного центрального двора.

В пределах раскопа оконтуриены остатки шести помещений (рис. 4; 5), три из которых в полевом сезоне 2015 г. почти полностью вскрыты (№№ 1, 2, 3). Помещения вытянуты по линии СВ-ЮЗ, обращены углами по сторонам света с небольшим отклонением. Стены сложены из сырцовых кирпичей, сформованных из глины желтого цвета и «вперемешку»

Рис. 5. Общий вид вскрытых помещений дворца

с комками серой глины. Размеры прямоугольных кирпичей – $48 \times 20 \times 10$ см и $53 \times 23 \times 11$ см. Толщина стен варьируется от 1,4 м до 2,1 м. Похоже, что северо-западная стена сооружения является наружной крепостной стенной цитадели. Примыкающие к ней помещения имеют мощные стены, а стены помещений со стороны двора несколько тоньше.

На данный момент, пока детальная планировка всего здания остается еще не ясной, несомненный интерес представляют два помещения (№№ 1 и 2) из вскрытых раскопом в 2015 г. (рис. 4; 5).

Помещение 1 прямоугольное в плане, размерами $6,6 \times 5,7$ м. Верхняя часть объема помещения на глубину около 1,5 м была заполнена кладкой из сырцовых кирпичей того же формата, что и кирпичи СГ2. Затем шел слой завала из обломков тех же кирпичей со стен данного помещения. Верхний пол помещения (пол сп2) залегает на глубине 2,65 м от сохранившегося уровня верха стен. Вдоль С3, Ю3 и ЮВ стен проходит невысокая суфа шириной С3 1,2 м; Ю3 – 1,9 м; ЮВ – 1,2 м; расширяется до 1,4 м к Ю3. Стены покрыты в один слой штукатурки толщиной 2-3 см, которая сохранилась лишь на отдельных участках. Во многих местах она основательно повреждена норами грызунов.

Рис. 6. Общий вид на ЮЗ стену пом. 1

В помещении №1 СГ2 фиксируются два уровня полов, маркирующих два строительных периода всего архитектурного комплекса (условимся для краткости именовать их в дальнейшем – сп1 и сп2 СГ2): основной/ первоначальный и второй/верхний уровень, связанные к тому же с некоторыми изменениями в интерьере строения. В настоящее время мы довели расчистку этого помещения до уровня пола сп2 СГ2.

Сохранившаяся высота северо-восточной стены 2,75 м; длина 5,7 м; толщина 2,1 м. Северо-западная стена длиной 6,6 м; толщиной 1,4 м; высота 2,5 м. Юго-западная стена помещения расчищена пока лишь по внутреннему фасаду, оставшаяся часть осталась под бровкой; сохранившаяся высота стены 2,4 м. Юго-восточная стена длиной 6,6 м; толщиной 1,9 м и высотой 2,0 м. Неоднородная структура кладки этой стены, отсутствие штукатурки наталкивают на мысль о том, что стена перестраивалась. Сырцовые кирпичи присутствуют только в верхней части стены. Вероятно, это ремонтная кладка. Нижняя часть стены представляет собой уплотненный грунт коричневого и желтого цветов. Проход в помещение располагался в его восточном углу. Он ничем не выделяется, вероятно, был устроен в поздний период (сп2), после перестройки стены. Ширина прохода около 1,0 м.

Рис. 7. Общий вид на СВ стену пом. 1

Стены помещения были богато украшены декором из резной глины. Узоры вырезаны на слое качественной специально приготовленной штукатурки, нанесенной слоем в 4 см на выравнивающий слой саманной штукатурки. Нанесение узоров выполнялось прямо на месте, естественно, после предварительной прорисовки. Верхний рельефный карниз является тонкой лепниной на самый толстый слой штукатурки, придающий рельефность всей композиции. Затем панель была окрашена в красный цвет (охра?).

Уникальная сохранность резных панелей позволяет реконструировать декоративную систему этого явно незаурядного помещения. По примерным оценкам, на стенах, *in situ*, сохранилась $\frac{1}{6}$ – $\frac{1}{8}$ часть декоративного убранства. Этого достаточно для реконструкции общего вида орнаментальной композиции. Но детали, такие, например, как тимпаны арок, венчания порталальных рам, пока не могут быть доподлинно реконструированы.

Все больше исследователей приходят к пониманию того, что не элементы орнамента, а их композиция наполняют орнамент смыслом. А поскольку это так, то поняв и реконструировав композиционный

Рис. 8. Общий вид на СЗ стену пом. 1

строй декора, вероятно, можно приблизиться и к пониманию семантики отдельных элементов и назначения этого помещения. Орнаменты таких семантически акцентированных изделий традиционного ремесла, как ковры, покрывала, блюда, стены жилищ и культовых сооружений и т.п., воплощали образ уравновешенного, гармонизированного, яркого, насыщенного мира, такого мира, каким хотела бы видеть его традиционная культура, в лице ее создателей и потребителей, т.е. народа. Наиболее популярны, например, в среднеазиатской орнаментике «сетчатые» и «медальонные» орнаментальные композиции. Если сетчатые композиции («бенди-руми») создают образ упорядоченного мирового пространства, то медальонные композиции воспевали главного подателя жизни – Солнце, поскольку круглые розетки/медальоны традиционно были изображениями солнца, которые выступали и в качестве благословения, и как оберег и пожелание всяческих благ (Гюль Э., 2013, с. 41-49). Плетения растительно-цветочных мотивов в восточной орнаментике – изображение райского сада, мира, подобного саду-парадизу, мира, который как идеологическая система обещала людям всякая религия.

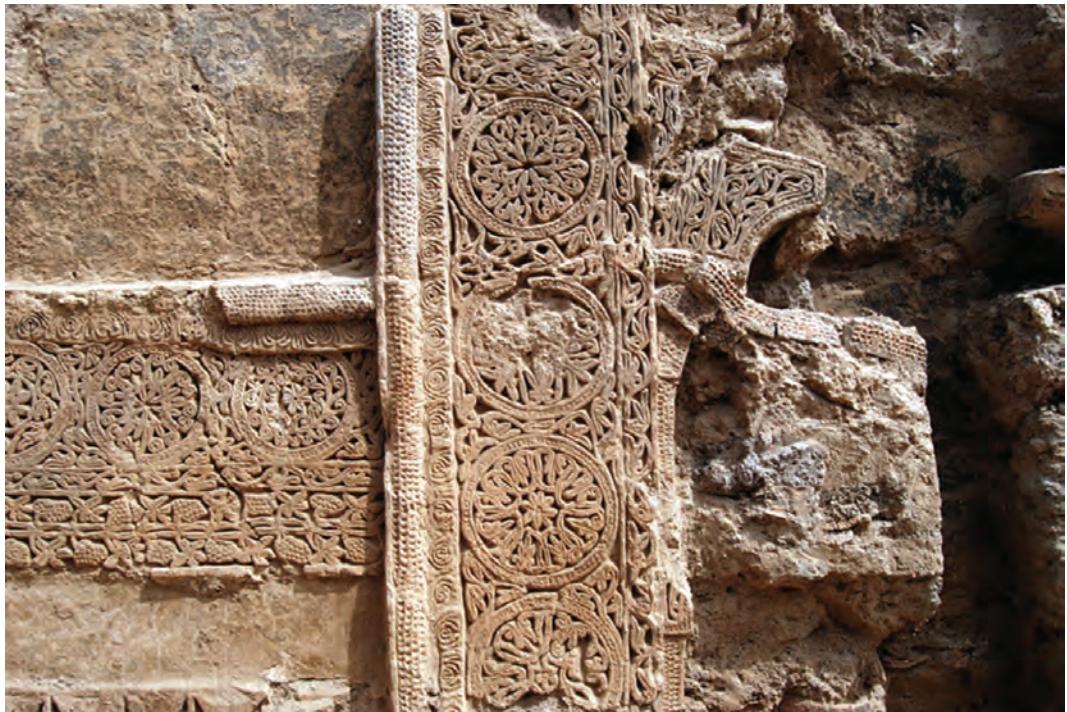

Рис. 9. Фрагмент резных панелей левой стороны портала А

Общая композиция декоративного оформления помещения № 1 могла выглядеть следующим образом: по центру противоположных СВ и ЮЗ стен панелями резной глины были оформлены «прямоугольные порталные рамы с арками». Для удобства обозначим портал на юго-западной – «А», а на северо-восточной стене – «В» (портал А, рис. 5; портал В, рис. 6). От краев порталной рамы по всему периметру стен проходит декоративная лента резной глины шириной/высотой около 1,1 м. Ее нижняя грань проходит на высоте 30-35 см от уровня поверхности сух сп2. Панели резной глины сохранились на юго-западной стене, начиная от рамы «портала А» до западного угла помещения, на северо-западной стене – от угла до угла, но здесь разрушены два участка – в северном углу и примерно в середине стены, и на северо-восточной стене – от северного угла до рамы «портала В». Декоративные рамы «порталов», модели колонн и другие декоративные детали – все вырезано по сырой глине.

Портал В в СВ стене сохранился на высоту 2,65 м, шириной 2,2 м. Верхняя часть рамы не сохранилась, боковые панели шириной 0,5-0,6 м. Они состоят из двух узких рельефных наружных каемок, широкого поля, заполненного большими круглыми розетками (диаметр 28 см) и узкой

внутренней каймы с бесконечным волнистым виноградным стеблем. Внутри портала неглубокая (0,20-0,25 м) ниша, оформленная по сторонам двумя колонками, капители которых, видимо, поддерживали арку ниши (рис. 7).

На высоте 1,6 м от пола сохранились выступы, имитирующие импосты арки. Выступают на 20 см, толщиной 10 см, декорированные по краям перлами и заполненные побегами. «Колонна» арки утолщается кверху (высота сохранившейся части колонны 0,75 м; от пола – 1,1 м), далее переходит в «капитель» (высота капители 0,2 м). «Колонна» украшена «чешуей», а «капитель» – перлами. На высоте 1,5 м расположена перекладина шириной 7 см, соединяющая створ арки (ширина арки 1,1 м) на стыке импоста и капители. Импосты и перекладина не соприкасаются с тимпаном, промежуток составляет 2 см.

Плоская внутренняя стена ниши сильно закопчена, она без декора. Перед нишей на полу расчищен слой золы серого цвета с примесью древесных угольков. Под этим слоем обнаружен напольный очаг. Очаг полукруглой формы, прямой борт прилегает непосредственно к нише. Внутренняя поверхность сильно прокалена; зола складировалась на юго-восточной сufe у прохода. В центре помещения расчищен еще один напольный очаг. Он подквадратной в плане формы, размерами 1,15×1,0 м. Стенки очага из сырцового кирпича в один ряд, толщина 0,23 м; сохранившаяся высота 0,13 м. За юго-восточным бортом очага складировалась зола. Здесь расчищен зольник с древесными угольками.

Портал А на юго-западной стене шириной 2,6 м; сохранившаяся высота 2,1 м; глубина 0,2 м. От рамы портала сохранился участок правой вертикальной панели высотой 1,6 м; шириной 0,5 м; с тимпаном, в котором размещена большая (диаметр 0,54 м) круглая розетка (рис. 6). Еще по три розетки, как минимум, были вписаны на фоне растительного плетения в вертикальные боковые панели. Они вдвое меньше в диаметре – 25-26 см. По центру портала располагалась плоская сводчатая ниша глубиной 0,2 м; ее плоскость заполнена косой сеткой ромбических ячеек с пятилистниками в центре. Ниша имела арочную форму, ее обрамляли по сторонам две $\frac{3}{4}$ колонки с капителями, на которые опиралась арка свода ниши. Как известно, заполнение декорируемым плоскостей «ромбической сеткой» – широко распространенный декоративный прием. Например, сохранившиеся фрагменты подобной сетки в декоре юго-восточной ниши коридора (пом. 8) во дворце усадьбы «Г» того же Кулана были оригинально истолкованы как изображение библейского «древа познания» (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2004, с. 28, рис. 15).

Горизонтальная орнаментальная лента резной глины, по периметру обегающая все стены помещения, была шириной/высотой около 1,1-1,05 м. Она состоит из нескольких полос:

1. Сверху рельефный карниз, он выступает от плоскости стены на 5-7 см. Состоит из двух горизонтальных элементов – сильно выступающего валика шириной до 10 см с поверхностью, заполненной скобовидными вдавлениями, что придает ей чешуйчатый вид; ниже более уплощенная, но все же выступающая на 0,5 см над плоскостью основной резной панели полоса шириной 7-8 см, орнаментированная элементами в виде «цветочных бутонов» (?) (рис. 10, 1);
2. Основная резная панель в виде широкой полосы (28-30 см) с круглыми розетками в кругах из перлов;
3. Между гладкими линиями узкая лента волнистого виноградного стебля, с симметрично отходящими от него полу-пальметами (рис. 10, 2);
4. Лента с двумя полосами чередующихся виноградных гроздьев и листьев, ее ширина 18 см;
5. Ниже полоса гладкой штукатурки без каких-либо узоров, ее ширина 0,25-0,27 м;
6. И самая нижняя полоса с плотным рядом мерлонов шириной 0,2 м (рис. 10, 3). Такие зубчатые мерлоны венчали стены замков и крепостей VI-VIII вв. и позже (IX-X вв.) стали декоративными элементами оформления их внешнего вида. Об этом говорят их многочисленные находки при раскопках реальных замков в Ташкенте, Таразе, Туркестане и известные изображения раннесредневековых замков (Аниковское блюдо, настенная живопись Пенджикента и пр.). Изображение приостренных углов пирамидальных плиток-мерлонов на куланском бордюре подобно изображениям этих элементов на кирпичах из Дабусии и Рабинджана (рис. 11, 1, 2, 3) (Ремпель Л.И., 1961, с. 133, рис. 52, 2, 4, 5).

Резную панель, протянувшуюся «от портала до портала» в трех местах (на сохранившейся части), «поддерживают» колонны с фигурными капителями. Они на фоне полосы с круглыми медальонами упираются в верхний карниз и, похоже, расположены как бы за полосой с зубчатыми мерлонами (?). Хотел ли того автор декоративного убранства этого помещения или нет, но создается впечатление, что за верхушкой крепостной стены с мерлонами мы видим верх айвана, перекрытие которого опирается на колонны с затейливыми резными капителями. Таким образом, декоративная лента на стенах, на самом деле это верхний резной фриз с круглыми розетками, расположенный на самом верху стен, под крышей.

Рис. 10. Бордюрные ленты резного панно

Всего на сохранившихся панелях нами отмечено 32 круглые розетки (от некоторых – фрагменты). Но вполне вероятно, что первоначально их было до 66 штук! Таким образом, главным декоративным элементом в оформлении облика помещения №1 является круглая орнаментальная розетка/медальон в различных композициях с виноградными гроздьями и листьями. При этом поражает разнообразие их графической разработки. Если внимательно присмотреться, то даже у двух, казалось бы, одинаково построенных из схожих элементов розеток/медальонов, можно найти отличия в деталях (см. рис. 13).

Орнамент подпотолочного фриза в виде декоративных полос с ритмично расположенными крупными розетками/медальонами, которые расположены как бы на фоне переплетающихся ветвей/стеблей, был особо популярен на Ближнем Востоке в средневековье, а истоки его кроются, вероятно, в древневосточном искусстве. Позже такие ленточные,

орнаментальные композиции широко распространяются в декоре различного рода изделий и переносятся на стены усадеб и дворцов. В соседнем Согде стены храмовых сооружений VI-VIII вв., интерьеры которых вынесены в декор внешних стенок оссуариев (специальных керамических ящиков костехранилищ), обычно украшены крупными лучистыми розетками, заключенными в разного рода обрамления (рис. 14). Но, по всей видимости, они господствовали и в декоративном убранстве жилых, парадных и дворцовых помещений. Например, декор ганчевого и терракотового убранства дворца на городище Вырахша исследователи признают энциклопедией доисламского декоративного искусства. Оно сформировалось ко времени арабского завоевания в своеобразный стиль как местная реплика под явным влиянием искусства эллинистического Причерноморья и Древнего Востока (Шишгин В.А., 1963, с. 170). Помимо богатой орнаментики в декоре дворца были барельефные фигуры животных и людей, составлявшие некогда композиции, смысл которых теперь утрачен. Но некоторые орнаментальные композиции поддаются аргументированным реконструкциям. Как пишет автор раскопок В.А. Шишгин, один из множества бордюров «составляют орнаментальные круги, соединенные плавно изгибающимися побегами с зубчатыми листочками-валютами. Из кругов этого бордюра удалось собрать только один. Он весьма определенно напоминает «колесо закона» («дхарма ча-кра») – древний символ солнца, фигурирующий в буддийском искусстве как символ Будды (в рельефах Бхархути, Санчи, храма Сурьи и др. памятниках Индии), и сохранившийся в декоративном искусстве Варахши, возможно, как пережиток, напоминающий о тех временах, когда буддизм проникал на территорию Средней Азии» (Шишгин В.А., 1963, с. 168).

И другой вид орнамента состоит из круглых розеток, причем они не повторяют одна другую (!), а представлены в большом количестве разнообразных вариантов, отличающихся сердцевиной, числом лепестков, их формой и т.д. Треугольники между розетками заполняются разнообразными пальметтами. Этот орнамент наряду с упомянутым звездчатым был одним из самых распространенных в декоре: он встречен в нескольких разновидностях, отличающихся масштабом, розетками, характером заполнения между ними и т.п.

До сих пор подобные орнаментальные композиции особо популярны в традиционном декоративном искусстве. Они традиционно присутствовали до недавнего прошлого в орнаментации казахских деревянных сундуков и шкафчиков для посуды и продуктов. Разнообразные розетки заполняют П-образные рамы настенных вышитых ковров «тускииз»

в казахской юрте (Казахские ..., 2002, с. 162-163). Они обычны также в декоре деревянных изделий киргизов, узбеков, таджиков. Их можно увидеть на деревянной домашней утвари и на стенах домов индо-иранского населения в глухих ущелья Гиндукуша (Katler J., 1991, fig. 160, p. 137 – fig 190, p. 154; Klimburg M., 1999, figs. 574-575).

Например, в бухарской вышивке такие медальонные композиции орнамента известны под народным названием «лочак-турупуш» (Гюль Э., 2013, с. 41-49). В них главным декоративным акцентом выступают круглые внутри, различно разработанные розетки/медальоны. Эти розетки обозначались арабским термином «шамс» – Солнце. Это могла быть одна крупная розетка в центре вышитого поля сюзани или же 2-3 ряда, включавших до 9-12 различно разработанных розеток. Само же затканное квадратное/прямоугольное пространство сюзани называлось арабским термином – *полак/фолак* – небо, пространство (в смысле «мировое пространство»). В целом же орнаментальная композиция «сюзани» символизировала «мир как райский сад, осененный благодатным вечным Солнцем». У нас нет оснований считать, что в древности смысл подобных композиций был иным.

Перекрытие

Помещение №1, как выше упомянуто, подквадратное в плане, его размеры $6,6 \times 5,7$ м. Если на уровне первоначального пола не будут обнаружены основания промежуточных колонн, то здесь логично предположить деревянное купольное перекрытие «типа рузан». Однако наше внимание привлекла имеющаяся на северо-западной стене странная особенность устройства верхней кромки или плинтуса горизонтальной декоративной панели. Кладка сырцового кирпича здесь самая обычная – слой ложком (длинной стороной вдоль направления стены), слой тычком (длинной стороной поперек), что обеспечивало, как известно, надежную перевязку кирпичей в стене. Здесь в северном углу наблюдается, что в слое «тычком», приходящемся на самый верхний уровень кромки глиняных панелей, на плоскость стены выходят короткие стороны, т.е. торцы сырца и в этом слое имеются регулярные пазы (от выпавших кирпичей?) (рис. 8). К тому же, на СВ и ЮЗ стенах, образующих углы с СЗ стеной, по наличию поверхностной тонкодисперсной штукатурки хорошо различимы следы скосов, идущих сверху к верхним углам СЗ панели. То есть на ЮЗ и СВ стенах в правом и левом углах от порталов наблюдается отсутствие кроющей тонкодисперсной желтой штукатурки, на которой к тому же есть слой копоти. Причем имеющиеся края этой штукатурки, похо-

Рис. 11. Линии прилегания деревянной конструкции крыши к стенам помещения №1

же, имеют характерный наклон от места соединения карнизов резных панелей вверх к центральной вертикальной оси ниш порталов (рис. 11). Эти детали свидетельствуют о том, что данное помещение могло перекрываться легкой двускатной крышей, нижний край которой опирался на полочку/плечо из кирпичей, идущую по самому верху декоративной глиняной панели, а верх опирался на продольные балки, уложенные от стены до стены. Слишком большой угол ската крыши заставляет пред-

Рис. 12. Кирпичи с отпечатками мерлонов и круглые керамические розетки [16, рис.52]

полагать, что боковые скаты опирались вверху на две продольные балки и при этом посередине образовывался горизонтальный участок крыши, в котором был устроен дымовой и световой люки. Только при таком устройстве перекрытия не требовалось штукатурить стены выше декоративной панели (что мы и видим на всем протяжении СЗ стены), и в самом углу на примыкающих стенах.

Помещение 2

Помещение 2 прямоугольное в плане, размерами $7,7 \times 6,8$ м. В отличие от помещения 1 оно вытянуто по линии ЮВ-СЗ и было полностью, от пола до уровня сохранившихся стен, заполнено кирпичной кладкой, т.е. фундаментом для построек СГ1. В результате интерьер помещения, а это разноуровневые сухи, ступеньки, подиумы и остатки оформления стен, сохранился сравнительно хорошо. Сохранившаяся высота стен составляет 3-3,5 м; толщина 1,8-2,1 м. Стены в этом помещении были покрыты слоем штукатурки толщиной 3 см, затем выровнены тонким слоем альбастра (кыр). Штукатурка нижней части стены до 1 м повреждена влагой.

гой, солями, верхняя часть по большей части сохранилась, но имеются значительные осыпавшиеся участки, а также повреждения, нанесенные норами грызунов и насекомых.

Северо-восточная стена расчищена по внутреннему фасу, остальная часть остается пока под бровкой. Проход в помещение обнаружен по центру юго-восточной стены. Вдоль северо-восточной, северо-западной и юго-западной стен устроены сухи. Их высота 0,55 м и 0,4 м (северо-восточная). Ширина – 1,8 м у «главной» северо-западной сухи и 1,4 м – все остальные. К центральному/почетному месту на сухе, по центру, ведет двуступенчатая лестница шириной 1,0 м. В середине помещения, ближе к входу устроен подиум подквадратной формы, размерами $1,1 \times 1,05$ м, высотой 0,2 м.

На всех стенах этого помещения зафиксированы прочерченные рисунки и нанесенные черной краской по белому алебастровому фону узоры широкой полосой на уровне груди человека. Верхняя часть полосы занимает орнамент растительного характера в виде завитков и побегов. На стенах выявлены граффити с изображениями человеческих фигур, представителей животного мира и птиц.

Это помещение по особенностям планировки и декоративного убранства можно интерпретировать как *тронный зал* изначального строительного периода (рис. 5). К сожалению, первоначальные *росписи* сохранились очень плохо, что объясняется, видимо, двумя причинами. Во-первых, это, вероятно, изначальная нестойкость (низкое качество) большинства использованных красок, кроме черной (собственно только она и сохранилась визуально на некоторых участках стен)¹. Во-вторых, большую роль в гибели росписей сыграли прогрессировавшее засоление поверхности стен и, возможно, – сплошная забутовка помещения сырцовым кирпичом при последующем строительстве. Меньше пострадала при этом живопись западной части зала (находящейся дальше от края холма), на ЮЗ и особенно – СЗ (где предполагается «тронное место») стены. Изображения ЮВ стены оказались также повреждены обрушением прохода в ней в процессе раскопок (там сохранилось лишь одно граффити). Наконец, часть поверхности повреждена норками мелких землеройных животных и корнями растений.

1 Среди kleевых красок (со связующим составом из камеди, получаемой из фруктовых деревьев), использовавшихся для стенных росписей V–VIII вв. в Центральной Азии, черная краска (добыываемая из растительного угля сливы, винограда и др. или сажи), наряду с ультрамарином и мелом, разводились наиболее крепким связующим раствором (Косолапов А.И., Маршак Б.И., 1999, с. 41, 44; Соколовский В.М., 2009, с. 65, 94).

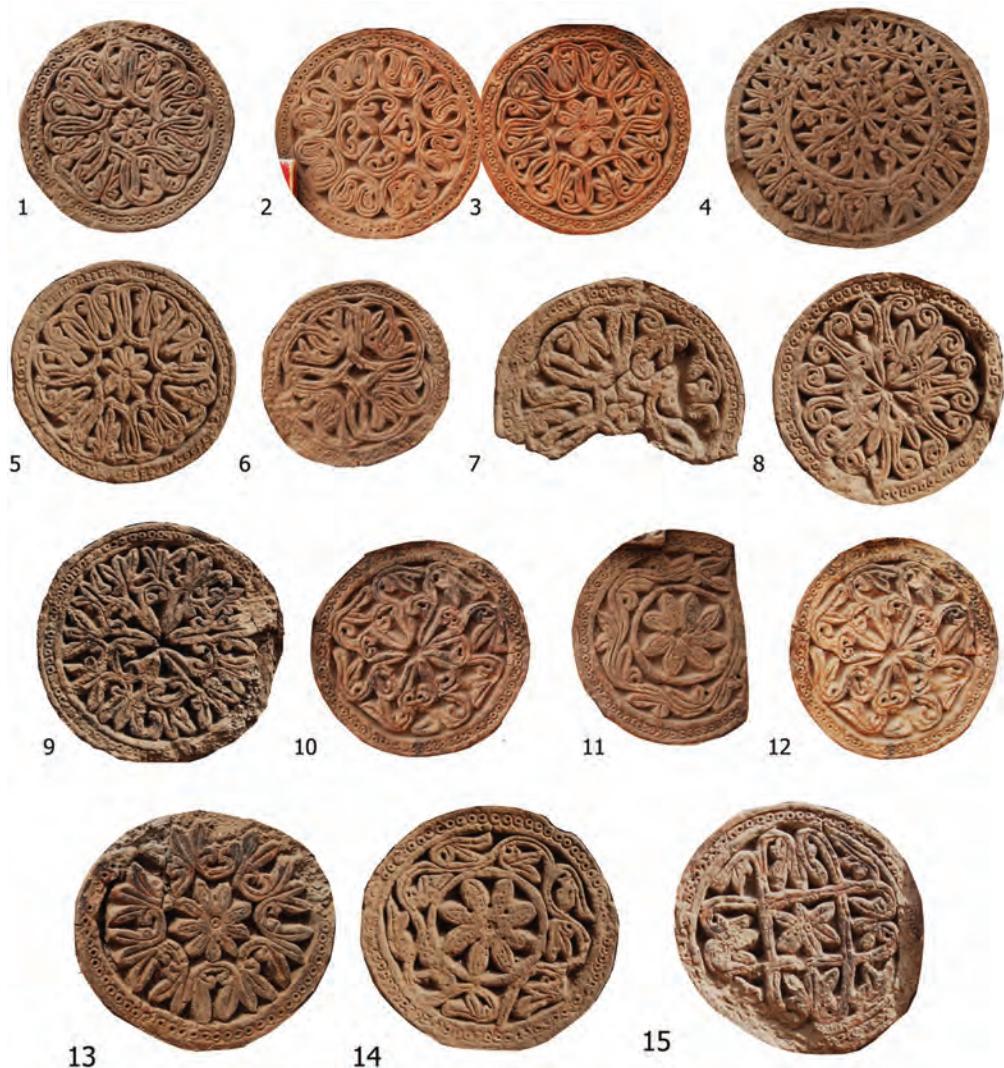

Рис. 13. Некоторые из розеток со стен пом. 1

Росписи были нанесены по алебастровой поверхности стен примерно на уровне груди посетителей. К сожалению, сохранились в основном орнаментальные мотивы (разделительные горизонтальные полосы с рядами кружков-«перлов», столь обычные в живописи соседних Уструшаны и Согда (Беленицкий А.М., 1973; Альбаум Л.И., 1975; Соколовский В.М., 2009)² (рис. 16, 1), в ряде случаев – сплошной фон из растительных побе-

2 Эти кружки ограничены контуром, явно наносившимся не по трафарету, и часто несколько деформированы.

гов и медальонов. Лишь на СЗ стене сохранились головы двух персонажей (рис. 15, 1), а на ЮЗ стене – окрашенные зрачки на лице правителя. Можно думать, что для росписи декоративных бордюров и фона использовали более стойкую краску. Возможно и другое объяснение: роспись стен была только начата, но не завершена, и художник успел нанести только одну краску³. К сожалению, химический анализ пробы красителей пока не осуществлен.

Спустя какое-то (небольшое) время после нанесения росписей (возможно, когда они стали блекнуть) на все четыре стены были нанесены непрофессиональными художниками лезвиями ножей *граффити* в разной авторской манере, в ряде случаев, несомненно, образовавшие продуманные композиции. Эти граффити (в основном, очень примитивные) во многих случаях четко перекрывают декоративные линии ранних росписей и не вписываются в их композицию (так, на СВ стене они перекрывают горизонтальную полосу рисованных «перлов»; на противоположной, СЗ стене единственное граффити среди остатков росписей (собака и какое-то более крупное животное) небрежно «врублено» в них и т.п.) (рис. 15, 1). Учитывая небольшие остатки краски на наиболее значимых персонажах значимой для нас ЮЗ стены (зрачки правителя и, видимо, его супруги), а также гораздо большие реализм и мастерство в исполнении двух последних образов (рис. 16, 2), можно предположить, что контуры этих рисунков сохранили изначальную разметку живописца, а позже были неумело поновлены и дополнены [см. подобное поновление в раннетюркских петроглифах (Черемисин Д.В., 2011)].

К сожалению, воссоздать изобразительную программу росписей, в связи с их крайне плохой сохранностью очень трудно. Судя по СЗ стене (где сохранились два горизонтальных разделительных ряда из линий «перлов»), растительные мотивы и персонажи располагалась в несколько ярусов (рис. 15, 1); на ЮЗ стене остатки фона из побегов прослежены выше линии из граффити. Лучше сохранились на стенах граффити, и об их композициях мы можем в ряде случаев судить вполне уверенно.

Можно предполагать, что портрет на ЮЗ стене вероятных правителя и правительницы (рис. 16, 2; 17, 1) был первоначально выполнен краской внутри намеченного контура (так, сохранилась окраска зрачка мужчины), а затем немного поновлен. В пользу этого свидетельствует и гораздо более профессиональная и реалистическая манера их изображе-

3 Трудно допустить, что изначально предусматривалась роспись только одной черной краской по белому фону. Во всяком случае, это совершенно не характерно для доисламской Центральной Азии.

Рис. 14. Круглые розетки в декоре стенок оссуариев VIII в. [16, рис.27)

ния на фоне прочих граффити. Остальные гравировки на этой и других стенах выполнены в стилистике, очень близкой или идентичной раннетюркским наскальным рисункам.

Граффити ЮЗ стены представляют собой четыре композиции, образующие единую горизонтальную цепочку (рис. 15, 2). В них в общей сложности изображено семь антропоморфных персонажей (священное число); у шести более крупных из них важную (возможно, решающую) роль в идентификации образа играют головной убор и детали прически.

Рассмотрим вначале *группу 1* из четырех антропоморфных персонажей, находящихся в левой части стены и обращенных лицами влево. Слева представлен правитель, который, судя по позе (наклонился влево по отношению к зрителю, к своей предполагаемой супруге), был изображен сидящим (естественно предполагать это и для его жены). Увы, сохранилась только верхняя часть этих фигур (рис. 17, 1). Наиболее тщательно пе-

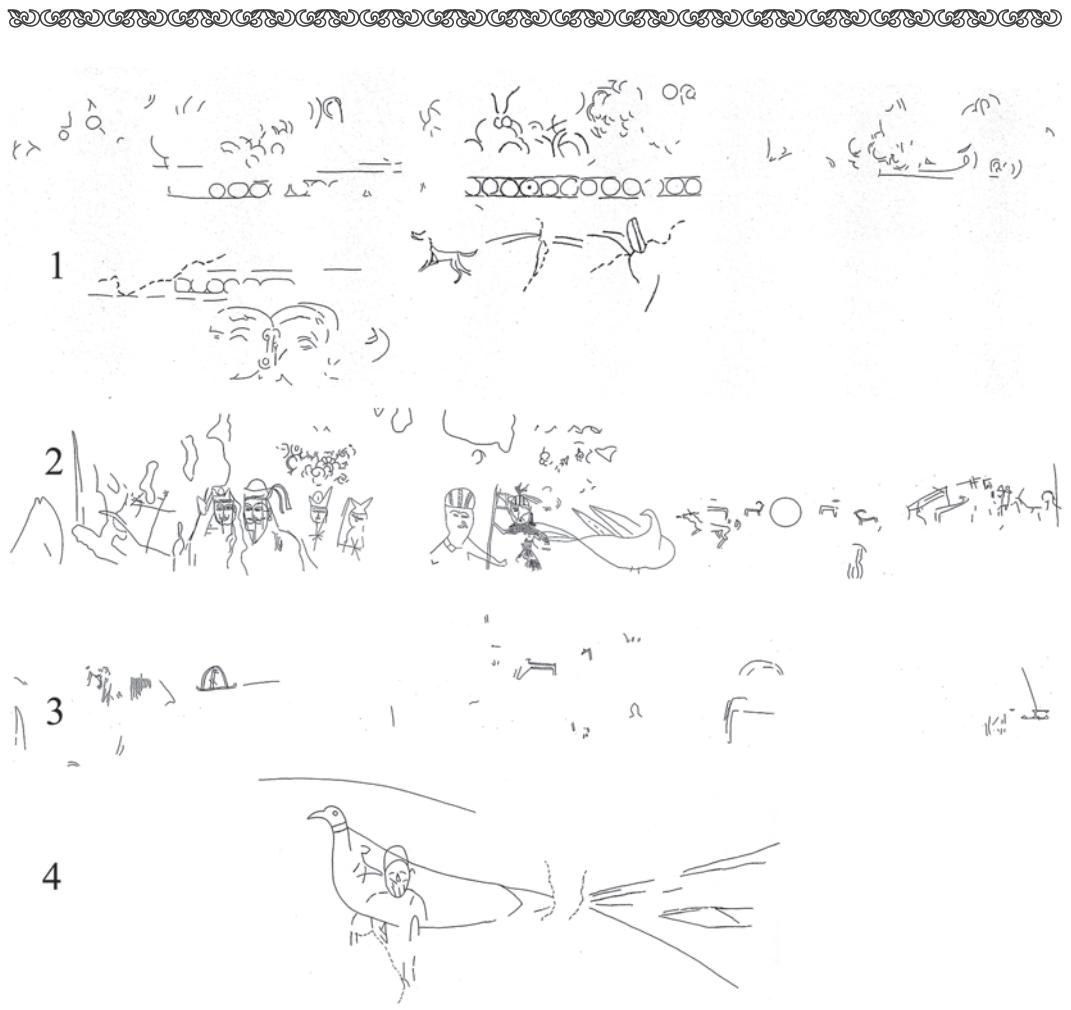

Рис. 15. Изображения на стенах помещения 2: 1 – северо-западная стена; 2 – юго-западная стена; 3 – северо-восточная стена; 4 – юго-восточная стена

реданы (почти в профиль) их головы (вероятно, по каким-то образцам); лица широкие, с массивной подпрямоугольной челюстью. *Мужчина-правитель* имеет наиболее детализированный костюм. Он носит внакидку оригинальный головной убор в виде шляпы с загнутыми широкими полями (видимо, с разрезами) и довольно высокой полуяйцевидной тулей. Слева с края полей свисает пара ленточек, нижний край с рубчатой полоской. Подобный тип головного убора известен с IX-X вв. у осевших на севере Синьцзяна тюрков-уйгуротов (Яценко С.А., 2000, рис. 65, 16). Узкие глаза сохранили окрашенные черным зрачки. Горизонтальные усы, похоже, напомажены, левый ус загнут вверх. На обращенной к зрителю левой щеке видим небольшую татуировку [см. ее также на лицах мужчин-тур-

ков в кургане 2-й половины VII в. Шороон Бумбагар в Северной Монголии (Yatsenko S.A., 2014, fig. 5, 4-6)]. Длинные волосы ниспадают на спину (возможно, они, по старому обычаю, заплетены в косы), имеется длинная и широкая, заостренная книзу борода. В ушах (золотые) проволочные серьги в форме колечка. Парадный кафтан довольно небрежно наброшен на плечи, но сохраняет запах налево; виден свисающий, длинный и, видимо, широкий левый рукав; его полы имеют две полосы отделки. Предполагаемая *правительница* (рис. 17, 2) находится вплотную к мужу, по его правую сторону; ее лицо, как и у него, обращено вправо от себя. Лицо женщины передано не так тщательно, как мужчины. На голове у нее трехрогий головной убор, обычный для женщин-хатун, изображавшийся на тюркских монетах Средней Азии (Чач) (Яценко С.А., 2013а, рис. 9, 4). Как и у мужчины, головной убор имеет рубчатую кайму по нижнему краю. С его «рогов» свисает длинное покрывало, нижний край которого не сохранился. За спиной правителя, правее, находятся две мужские фигуры более низкого статуса: они стоят, и их рост был примерно в два раза меньше.

За спиной правителя (слева по отношению к нему) стоят две мужских фигуры, которые в 2-3 раза меньше ростом, чем правитель, переданные крайне схематично. Это, видимо, молодые персонажи (они лишены усов и/или бороды, подчеркиваемых у остальных мужчин на этой стене). На голове у них два близких по форме головных убора с двумя длинными и острыми выступами, сделанными явно в твердом материале (войлок или кожа), т. к. они не проминаются и не свисают. У переднего (ближе к правителю) персонажа такой убор сложнее: в центре он имеет небольшую полусферическую тулью. Задний, менее значимый персонаж, видимо, представляет вооруженного телохранителя (у него в руках копье), а его двуторогий головной убор проще и не имеет тульи. Такой убор документирован как в северных, так и в южных оазисах соседнего Синьцзяна со II-III по VIII вв. н.э. (Яценко С.А., 2000, с. 311-312, рис. 58/5, 60/12).

Центральная *группа 2* на этой стене состоит из трех персонажей (рис. 16, 3). Состав ее не вполне обычен для тюркского и среднеазиатского искусства. Основу композиции составляет пара мужчин. Левый из них – явно более значимый. Его фигура крупнее (точнее, равна ростом второму, стоящему, хотя первый мужчина, по-видимому, сидит), голова в два раза крупнее, а левая рука протянута в сторону стоящего. Очень интересен его головной убор – полушарная шапка с тремя параллельными рубчатыми полосами. Этот убор известен только в близких по времени росписях из оазиса Кучи в Синьцзяне (Яценко С.А., 2000, рис. 60, 6). Он также имеет довольно длинную и заостренную бороду (не только длин-

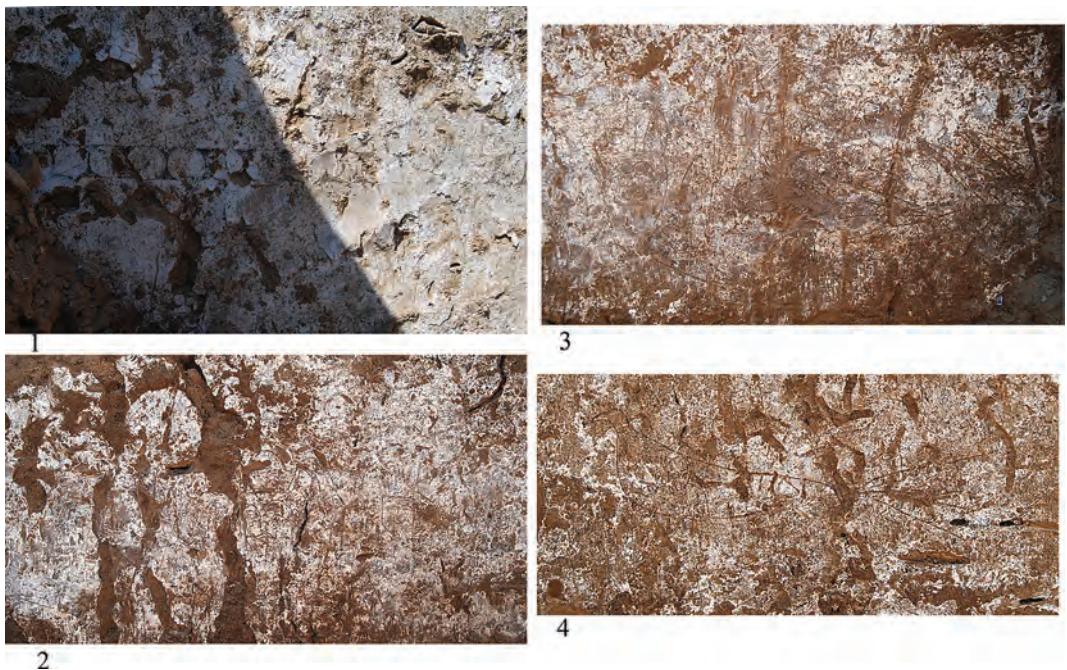

Рис. 16. Фото изображений на стенах помещения 2: 1 – северо-западная стена; 2 – юго-западная стена (сцена 1); 3 – юго-западная стена (сцена 2); 4 – юго-восточная стена

ную, как у правителя) и более короткие усы. На его одежду выделены ворот и у правого плеча, возможно, подпрямоугольная застежка накидки.

Перед ним стоит впритык, обратив к нему лицо, второй мужчина (рис. 17, 3) – воин в шлеме с султаном и свисающими с верхушки ленточками, в длинном пластинчатом доспехе (все пластины которого переданы примитивно, но детально). Это, возможно, более молодой персонаж (он имеет длинные вислые усы, но лишен бороды). Этот образ – наиболее детализированный среди всех граффити в зале. Его левая рука, возможно, лежала на несохранившемся мече. В правой руке он держит знамя на древке копья (?). Знамя небольшое, с тремя выступами. Этот тип знамени хорошо известен по раннесредневековым петроглифам южных и восточных районов Казахстана, Прибайкалья, но мы видим их в руках всадника (Самашев З.С., 1992, рис. 180; Самашев З., 2006, с. 120, 128). Пеший воин держит такое знамя на одной из гравировок в Ешкиолмесе (Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. и др., 2005, рис. 237). Эта пара мужчин, похоже, представляет собой вельможу и слушающего его указаниям воина. Однако реалистический характер эпизода в группе 2 весьма сомнителен из-за третьего персонажа, который упирается своим телом в стоящего воина. Это

очень крупная (в половину человеческого роста) птица (явно не хищная), сидящая к мужчинам спиной, но повернувшая к ним голову. Судя по «воинскому» контексту, речь идет о какой-то тюркской эпической сцене, где птица довольно часто выступает как вестник (Хамаюн у башкир и др.).

Сцена 3 также очень интересна. Здесь гравированы семь диких копытных разной сохранности (священное число). Центр композиции занимает сравнительно крупный солнечный диск, по сторонам которого находятся горные козлы (две пары в верхнем регистре, в каждой из которых козлы смотрят в противоположные стороны, и еще один – чуть ниже). В нижнем регистре представлены два более крупных оленя, изображенных в другой манере. Наконец, в сцене 4 (пожалуй, наиболее примитивной по исполнению и сохранившейся фрагментарно) представлена сцена охоты пешего лучника, вероятно, с собакой, на двух или трех копытных. Слева от него стоит его лошадь(?).

Граффити С3 стены находятся в ее центре, перекрывая несохранившуюся на этом участке полосу живописи (рис. 15, 1). К сожалению, обе фигуры сильно повреждены. Здесь гравировки сделаны весьма тщательно и в особой, отличной от других стен, стилистике. Слева изображена бегущая собака; правее ее находится смотрящее в противоположную сторону существо (вероятно, фантастическое) с длинным хвостом и очень длинными ушами.

Граффити СВ стены (рис. 15, 3) образуют две группы. Все их персонажи обращены влево. Находящаяся левее *сцена 1* сохранилась очень фрагментарно. Однако можно сказать, что здесь изобразили двух человек и какие-то довольно крупные артефакты. Мужчина (от которого сохранились ноги) движется влево; в руках он несет какой-то свисающий предмет. У него подол нераспашной одежды с характерными полукруглыми выступами, известном в сасанидском Иране с IV в. и вскоре распространившемся на юге Средней Азии (Тохаристан) (Яценко С.А., 2006, с. 216; рис. 158/25а, 168, 189/48-49). Правее, возможно, представлена женская фигура (фрагменты длинной одежды со множеством мелких складок). Расположенную правее *сцену 2* образуют несколько (не менее 7) фигур стоящих горных козлов разных размеров (все они смотрят влево).

Из граффити частично обрушившейся *ЮВ стены* сохранилась лишь пара мужчина – крупная птица (рис. 15, 4; 16, 4). Птица (наиболее похожая на павлина) выполнена достаточно тщательно (особенно голова) в профиль. На теле павлина дорисована фигура мужчины анфас, с бородой, усами и в невысокой шапке. На тело птицы, видимо, была нанесена также профильная фигурка бегущего копытного (?). Возможно, что круп-

Рис. 17. Детали граффити юго-западной стены: 1 – правитель; 2 – правительница; 3 – воин

ные фигуры птицы и человека взаимосвязаны и отражают популярный фольклорный мотив полета героя на волшебной птице.

Можно думать, что все граффити нанесены на стенах зала в короткий срок и связаны с каким-то единым замыслом / изобразительной программой (во всяком случае, все основные композиции нанесены на стенах в одну линию, не перекрывают друг друга и т.п.). Вместе с тем, они выполнены в разной манере и разными людьми.

Изображенные на граффити бытовые реалии, в частности специфические детали костюма, вполне подтверждают датировку дворца цитадели Ку-лана VIII веком. Дело в том, что аналогии в «тронном зале» 2 (65) трем из

четырёх типов оригинальных головных уборов у тюрков более ранних VI и VII вв. неизвестны (ср. Yatsenko S.A., 2014; Яценко С.А., 2013а; Яценко С.А., 2009; Яценко С.А., 2010; Яценко С.А., 2013б; Yatsenko S.A., 2004), и это, конечно, не случайно. При этом все они, как уже отмечалось, известны в соседнем Синьцзяне (!): один – в оазисах Кучи (и более ранние – в оазисе Ния) и у поселившихся там в IX в. уйгуров (убор правителя на ЮЗ стене). Это не вызывает удивления, т.к. вклад оазисов Синьцзяна в костюм ранних тюрков отмечался и раньше (Яценко С.А., 2013б, с. 593-594). С другой стороны, в начале IX в. арабские отряды уже достигли Кулана, и для подобного подбора сюжетов (в глине и в граффити) вряд ли осталось бы место в официальной резиденции. Остается видеть в создателях этого комплекса тюргешей, каганат которых возродился в первой половине VIII века.

Перекрытие

Сохранность стен на высоту до 3,5 м позволила выявить систему перекрытия помещения №2. На высоте 2,1 м от уровня суха в стенах зафиксированы основания пазов, как мы полагаем, от балок/стропил шатрового деревянного перекрытия. Высота пазов 0,6-1,1 м, ширина 0,2-0,25 м. Шатровые деревянные перекрытия реконструированы Л. Гуревичем над культовым/алтарным помещением в замке Актепе Юнусабадское в раннесредневековом Ташкентском оазисе; в алтарном помещении культового комплекса древней Канки. Предполагается такое же шатровое перекрытие над квадратным помещением 14 (4,85×4,85 м) замка Балалыктепе VI-VII вв. (Северный Токаристан) (Гуревич Л.В., 1990, с. 73, 74). Здесь на высоту 1,2-1,3 м над сухами стены были покрыты росписью с изображением сцены пиршества. Над верхним краем росписи по всему периметру сохранились следы опоры деревянного перекрытия. Выше поверхности стен были закопчены. В реконструкции получилось темное помещение с низким, усеченным шатровым перекрытием, где постоянно горел огонь на центральном алтаре.

Следы установки в стены балок, расположенных на расстоянии 50-55 см друг от друга на высоте 2,6 м, были обнаружены в «Красном зале» (12×7,85 м) дворца на городище Варахша (VII-VIII вв.), который, по мнению Л. В. Гуревича, следует рассматривать как культовое алтарное помещение. И здесь им реконструируется шатровое деревянное перекрытие. Из ближайших памятников с аналогичным внутренним шатровым перекрытием нужно упомянуть помещение 6 в планировке культового комплекса дворца Костобе в ближайших окрестностях Тараза (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2004, с. 9).

Высокая пирамидальная крыша была характерна для определенного типа культовых сооружений. Согда доисламских времен. Архитектурный облик их демонстрируют наиболее насыщенные декоративными эле-

ментами керамические оссуарии/костехранилища. Для них характерны высокие пирамидальные крыши. В прототипах (культовых сооружениях) крыши, скорее всего, сооружались из дерева. Возможно, в интерьере они были украшены резьбой, а на вершине устанавливалась скульптура божества, как это показано на ряде экземпляров (Культура и искусство ..., 1991, с. 67, 69).

Таким образом, можно не без оснований предположить, что раскопанное помещение 2 также являлось репрезентативным и могло выполнять функции зала для торжественных приемов, проведения религиозных обрядов и коллективных трапез в присутствии местного правителя, хозяина замка.

Во вскрытых помещениях отсутствуют находки за исключением нескольких фрагментов керамических сосудов с поверхности суфы помещения 3. Перед закладкой помещения были тщательно расчищены, следов разрушений или пожара не обнаружено.

Выводы. Раскопками на цитадели вскрыта часть монументального сооружения замкового типа с помещениями разного назначения, в том числе и культового характера. Обнаруженные репрезентативные помещения дворцового комплекса города Кулан уникальны тем, что имеют сравнительно хорошо сохранившиеся декоративные элементы и орнаментальные композиции, сюжетные стенные росписи и граффити, которые демонстрируют разные стороны художественной культуры местных обитателей.

По стратиграфии, а также характеру изображений на стенах помещений частично раскопанное на цитадели Кулана сооружение можно отнести к VIII в. Исследования этой части города находятся на начальном этапе и приводить какие-либо аналогии по строению сооружения, определению культовой принадлежности храма, функциональному назначению многих помещений пока преждевременно.

Литература

- Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Ташкент: Фан, 1975. – 160 с.
- Байпаков К.М. Раннесредневековые города и поселения Семиречья // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1966. – №2. – С. 68-84.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата: Наука, 1986.
- Байпаков К.М., Шарденова З.Ш., Перегудова С.Я. Раннесредневековая архитектура Семиречья и Южного Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы: Гылым, 2001.

- Байпаков К.М. Городище Кулан // Свод истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. – Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002.
- Байпаков К.М., Терновая Г.А. Резная глина Жетысу. – Алматы: CREDO, 2004.
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Потапов С.А., Горячев А.А. Петроглифы в горах Ешкиольмес. – Алматы: OST-XXI век, 2005. – 226 с.
- Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. // Бартольд В.В. Сочинения. – Т. IV. – М.: Наука, 1966. – С. 280 284.
- Бартольд В.В. К истории Мерва // Сочинения. – Т. IV. – М.: Наука, 1966в. – С. 173-174.
- Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. – М.: Искусство, 1973. – 68 с.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Л.: Наука, 1973.
- Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл» // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. – М.: Наука, 1990.
- Гюль Э. Сады небесные и сады земные. Вышивка Узбекистана: скрытый смысл сакральных текстов. – М.: ИД Марджани, 2013.
- История народов Узбекистана / под ред. С.П. Толстова. – Ташкент: изд-во АН УзССР, 1950. – Т. I.
- Казахские национальные обычаи и традиции. Альбом. – Алматы: Philipend Petroleum Kaz.Ltd., 2002.
- Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе: АН КиргССР, 1959.
- Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии. – СПб.: Формика, 1999. – 80 с.
- Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки / Ред. В.К. Веремеюк. – Кн. 2. – М.: Внешторгиздат, 1991.
- Массон М.Е. К периодизации древней истории Самарканда // ВДИ. – 1950. – №4.
- Нуржанов А.А. Топография средневековых городов Чу-Таласского междуречья // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2010. – №1. – С. 142-154.
- Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. – Ташкент: Гос. изд-во художественной литературы, 1961.
- Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Приртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 288 с.
- Самашев З. Петроглифы Казахстана. – Алматы: Θнер, 2006. – 200 с.
- Свод истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. – Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002.
- Соколовский В.М. Монументальная живопись дворцового комплекса Бунджа-ката. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 232 с.
- Хазбулатов А.Р., Акылбек С.Ш., Шохаев К.А., Султанмурадов Б.С., Естемесов Е.А. Научно-исследовательские работы на городище Кулан в 2015 году // VIII Оразбаевские чтения: матер. междунар. научно-методической конф. по

- теме «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования» / Отв.ред. А.Б. Калышев. – Алматы: Казуниверситет, 2016.
- Черемисин Д.В. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова / Под ред. В.В. Боброва и др. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 152-166.
- Шишкин В.А. Варахша. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Яценко С.А. Раздел 3 «Костюм» // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье (Том IV). Архитектура. Искусство. Костюм / Отв. ред. Б.А. Литвинский. – М.: Восточная литература, 2000. – С. 296-384.
- Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). – М.: Восточная литература, 2006. – 661 с.
- Яценко С.А. Древние тюрки: мужской костюм в китайском искусстве 2-й пол. VI – 1-й пол. VIII вв. (образы «Иных») // Transoxiana (online-journal). – Número 14 (Agosto 2009). – Buenos Aires, 2009 – http://www.transoxiana.org/14/yatsenko_turk_costume_chinese_art-rus.html.
- Яценко С.А. Костюм на росписях VII в. Афрасиаба (Самарканда): датировка посольств, этническая принадлежность и социальный статус изображенных // Museum (Интернет-журнал). – Харьков, 2010 – <http://www.formuseum.info/2010/10/21/jacenko.html>.
- Яценко С.А. Несколько наблюдений о костюме ранних тюрков на изображениях // Тюркологический сборник. 2011-2012. – М.: Восточная литература, 2013а. – С. 413-431.
- Яценко С.А. Тюрки: мужской костюм в китайском искусстве // Западный Туркский каганат. Атлас. / Под.ред. А. Досымбаевой, М. Жолдасбекова. – Астана: ServicePress, 2013б. – С. 578-606.
- Yatsenko S.A. The Costume of Foreign Embassies and Inhabitants of Samarkand on Wall Painting of the 7th c. in the Hall of Ambassadors from Afrasiab as a Historical Source // Transoxiana (online-journal). – Vol. 8 (June 2004). – Rome – http://www.transoxiana.org/0108/yatsenko-afrasiab_costume.html.
- Yatsenko S.A. Images of the Early Turks in Chinese Burial Wall Painting and Figurines (from the Barrow Tombs Discovered Recently in Mongolia) // The Silk Road. – Vol. 12. – Seattle, 2014. – P. 13-24 (online version: <http://www.silkroadfoundation.org/newsletter/vol12/>).
- Katler J. The Arts and Craft of the Swat Valley. Living Traditions of Hindu Kush. – London, New York: Thames and Hudson, 1991.
- Klimburg M. The Kafirs of the Hindu Kush: art and society of the Waigal and Ashkun Kafirs. Volume II. Plates. – Stuttgardt: Steiner, 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚАДАН	7
ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ	9
EDITORIAL NOTE	11
Б.А. Байтанаев	
ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ПЕТРОВ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ	13
С.Ш. Ақылбек, Е.А. Смагулов, С.А. Яценко	
ДЕКОРАТИВНОЕ УБРАНСТВО РЕЗИДЕНЦИИ ТЮРКСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ VIII В. В ЦИТАДЕЛИ г. КУЛАН	29
Е.А. Смагулов, П.Н. Петров	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САУРАНСКОГО РЕГИСТАНА	67
К.М. Байпаков, Д.А. Воякин, Г.А. Терновая	
ТЕНГРИАНСТВО	121
Б.А. Железняков	
МАВЗОЛЕИ И ХАНАКА СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЯЛЫКА. О ПРОЦЕССАХ ИСЛАМИЗАЦИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ЖЕТЫСУ В XIII в.	154
М.Д. Калменов	
ГОНЧАРНАЯ ПЕЧЬ С ГОРОДИЩА ЖАЙЫК	179
К.А. Руденко, Е.А. Беговатов	
РЕДКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С СЕМЕНОВСКОГО ОСТРОВА	186
Д.В. Сорокин	
ГЕОФИЗИКА В АРХЕОЛОГИИ	202
А.А. Нуржанов	
О КУЛЬТЕ ВОЛКА В ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ	216
К.М. Байпаков, Р.В. Ильин, Е.С. Казизов, К.А. Жамбулатов, И.Р. Камалдинов, Ф.Ф. Хабибуллаев	
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК УКРЕПЛЕННОГО МОНАСТЫРЯ АБЛАЙКИТ	228
Давлатходжа Довуди, Фаррух Сафоев	
МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ НА КУШАНСКОМ ГОРОДИЩЕ МИСИ АЙНАК В 2012 -2014 гг.	240
А.Н. Горин	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И НУМИЗМАТИКИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ	252

Б.А. Байтанаев	
КАРАСПАНСКИЙ МЕДАЛЬОН	342
Г. Бабаяров	
ТАМГИ НА ДОИСЛАМСКИХ МОНЕТАХ ОТРАРА	347
В.Г. Кошевар, А.В. Алай	
МОНЕТЫ ИЗ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ	
ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ КАРАХЫТАЕВ	356
А.А. Гомзин	
ИВАНОВСКИЙ И ПОЛОВСКИЙ КЛАДЫ КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ	372
В.В. Колода	
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ВОСТОЧНЫЕ МОНЕТЫ	
ГОРОДИЩА МОХНАЧ И ЕГО ОКРУГИ	382
В.А. Винничек, К.М. Киреева	
О НАХОДКЕ БРАКТЕАТОВ В СЕРЕБРЯНОМ СВЕРТКЕ	392
А.Ф. Кочкина	
ДВЕ МОНЕТОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ	
С БОЛГАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ВОЛГИ	394
Е.Ф. Шайхутдинова, А.Г. Ситиков, Р.Х. Храмченкова	
ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЫХ МНОГОСЛОЙНЫХ МОНЕТ	
САМАНИДСКОГО ТИПА МЕТОДОМ	
СКАНИРУЮЩЕЙ ЭЛЕКТРОННОЙ МИКРОСКОПИИ	401
А.И. Бугарчёв	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДИНАСТИИ СИМДЖУРИДОВ (911 – 1002 гг.)	
ПО НARRАТИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ И В ПАМЯТНИКАХ НУМИЗМАТИКИ	410
Е.И. Нарожный, Ф.Б. Нарожная	
К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НУМИЗМАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XIII-XV вв.	439
О.В. Голубев, В.П. Лебедев	
МОНЕТНЫЙ КОМПЛЕКС XIV в.	
ИЗ с. КОПОВКА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	497
Р.Ю. Рева	
ПОШТЕМПЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	
БУЛГАРСКИХ МОНЕТ ШАДИБЕКА (новый взгляд).	509
А.О. Брагин, А.М. Камышев	
КЛАД ТИМУРИДСИХ МЕДНЫХ МОНЕТ С ИССЫК-КУЛЯ	540
А.В. Акопян, А.Р. Варданян	
НАСЛЕДИЕ КАРА-КОЮНЛУ В АРМЕНИИ.	
ТОПОНИМ ЧУХУР-И СА'Д	
И ЕГО НУМИЗМАТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ В XIX в.	553

С.А. Богатый, Г.В. Злобин	
КАТАЛОГ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ИСМАИЛ-ХАНА (ШЕКИНСКОГО)	
1229/1814 – 1234/1819 г.	577
И.Л. Измайлов	
СООТНОШЕНИЕ ИСЛАМА И ЯЗЫЧЕСТВА В УЛУСЕ ДЖУЧИ:	
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ	601
И.М. Миргалаев	
СОЗДАНИЕ МУСУЛЬМАНИЗИРОВАННОЙ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ	628
Т.Ф. Хайдаров	
ПРИРОДНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ	
КРИЗИСЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ	639
Я.В. Пилипчук	
УЛУС ЧАГАТАЯ И ГОСУДАРСТВО ТАМЕРЛАНА	
ХІІІ-НАЧАЛА XV ВВ., ПО СВЕДЕНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ	658
Г.-Р.А.-К. Гусейнов	
ПЕРСИДСКИЙ ПОСОЛ В РОССИИ АНДИ-БЕК И ВОПРОС	
ОБ ЕГО ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ	
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КУМЫКСКОГО ГОСУДАРСТВА	
(КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVII вв.)	680
Н.М. Акчурин-Муфтиева	
ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА ФОРМИРОВАНИЕ	
КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДНОГО ЖИЛИЩА	687
Джансугурова Л.Б., Байтанаев Б.А., Хусаинова Э.М.,	
Нуржибек, Жунусова Г.С., Иксан О.А., Джантаева К.Б., Китов Е.П.	
АНАЛИЗ МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК НАХОДКИ	
«УРДЖАРСКАЯ ПРИНЦЕССА»	698
Хусаинова Э.М., Нуржибек, Иксан О.А., Мусралина Л.З.,	
Кузовлева Е.Б., Эвингер Ш., Кустар А., Джансугурова Л.Б.	
ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОСТАНКОВ ГУННСКОГО ПЕРИОДА	712
Б.А. Байтанаев, Е.П. Китов	
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ	
ИЗ МОГИЛЬНИКА УРЖАР	722
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	730

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ

(с древности до наших дней)

Сборник научных статей

Ответственный редактор
член-корр. НАН РК, д.и.н.
Б. А. Байтанаев

Корректор
Маликова Инга

Компьютерная верстка
Храмовская Ольга

Отпечатано в типографии «Хикари»